

TEACHING PROFICIENCY THROUGH READING AND STORYTELLING (TPRS) ПО-РУССКИ: ПЕРЕВОД И УПОТРЕБЛЕНИЕ ТЕРМИНА В ПРИКЛАДНОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

С.В. НАСС

svnuss@alaska.edu

канд. филол. наук, лектор
Университета Аляски
Аляска, США

Ключевые слова:

*РКИ, ОПРиЧ, обучение
языку посредством речевого
со-творчества и чтения,
техника сторителлинг, TPRS*

DOI: 10.37632/PI.2020.279.2.015

Данная статья развивает корпус исследований в области терминологии метода *Teaching Proficiency through Reading and Storytelling* (далее TPRS) в методике преподавания иностранных языков (ИЯ). Предлагается перевод и описание TPRS и его составляющих на материале русского языка. Проводится его синтаксический и лексико-грамматический анализ, сравнительная характеристика существующих вариантов переводов и их употребления, анализируются возможные наложения семантических полей и даются рекомендации, как этого можно избежать. Предлагается новый термин *обучение языку посредством речевого со-творчества и чтения* и его аббревиатура *ОПРиЧ*. Работа способствует упорядочению иноязычной терминологии прикладного языкознания в русском дискурсе.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы помочь преподавателю иностранного языка разрешить один из вопросов методической терминологии и сориентироваться в существующем понятийном аппарате методики. Являясь практиком в области преподавания РКИ, автор занимает позицию активного поиска наиболее действенных методических приемов обучения и пристально следит за развитием этого направления. Распространение метода *TPRS* в русскоязычной среде достигло того уровня, при котором необходимо уточнение его терминологической базы.

Необходимо сразу оговориться, что точного термина для описания TPRS в русском дискурсе пока не выработано. В специальной литературе на русском языке, посвященной теории и практике преподавания ИЯ, в этом значении употребляются: «(техника) сторителлинг», «рассказывание историй», «storytelling» или аббревиатура TPRS [14–16]. Необходимо уточнить терминологическую базу этого метода обучения ИЯ и проанализировать плюсы и минусы некоторых моделей перевода TPRS на русский язык. Можно предположить, что в русском языке найдется достаточно средств выражения для передачи смысла и полного раскрытия TPRS как явления и как термина, равно как и для его определения без использования транслитерации. Данному поиску и посвящается наше исследование.

Teaching Proficiency through Reading and Storytelling как метод преподавания иностранных языков существует с 80-х гг. XX столетия. Впервые разработанный практиком обучения испанскому языку как иностранному Блейном Реем (Blaine Ray), в англоязычном языковом пространстве он был формально описан и оформлен, а также во многом определен предшествовавшими ему теоретическими работами и практикой Джеймса Ашера (James Asher) и Стефена Крашена (Stephen Krashen) [21]. Наиболее часто он используется в работе с испанским, французским и немецким языками в силу их значительного распространения в школах и университетах США. РКИ преподается

в существенно меньшем объеме и, естественно, разработки, основанные на TPRS в области преподавания РКИ, значительно уступают в объеме как методологических исследований, так и наработанных материалов для преподавания. Остается не переведенным на русский язык и не описанным сам термин TPRS с его элементами и производными в русском языке, не существует общепринятой дефиниции термина на русском языке, что делает его употребление в русскоязычном дискурсе бессистемным и неупорядоченным, порой приводя к явным ошибкам, что будет проиллюстрировано ниже.

Следуя характеристике метаязыка лингвистики, данной И.В. Арнольд в ее «Основе научных исследований в лингвистике», примем за основу, что он включает в себя терминологию и общенаучную лексику, которая свойственна научной литературе вообще в любой отрасли знания, а также буквенную символику и графику. Ирина Арнольд, теоретик лингвистики текста, стилистики декодирования, лексикологии, интертекстуальности и интерпретации, поясняет, почему метаязык так важен в научном диалоге: «Научный уровень любого исследования существенно зависит от применяемого метаязыка, его строгости и точности. Метаязык влияет... на ясность концептуального аппарата и понятность его для читателя...» [3]. Нарушение системности терминологии принято считать одним из недостатков соответствующей области знания, и этим объясняется постоянная работа над упорядочением существующих и анализом появляющихся в языке терминов. Трудно спорить, когда Ирина Владимировна Арнольд, описывая состояние терминологии метаязыка лингвистики, констатирует наличие как субъективной его составляющей, так и объективной, объясняя последнюю среди прочего интеграцией и дифференциацией наук: «Термины, возникшие в пределах одной науки или одной школы, переходят в другую. Попадая в новую сферу, они могут видоизменить свое значение, а читатель может понять их в том смысле, в каком он встречал их раньше, в той науке, откуда они пришли, или не понять совсем». Далее в тексте автор отмечает: «Даже опытному ученому иногда трудно отличить новое название для чего-то уже знакомого от названия другого, похожего, но не тождественного концепта и установить, в чем их различие», приходя к логичному выводу о том, что «терминология лингвистики сильно отягощена синонимией и полисемией», ссылаясь также на Томаса Гоббса, Джона Локка, Готфрида Лейбница, У. Хааса [3].

Сформированные ими подходы заставляют нас сегодня искать варианты для передачи

значения TPRS в методике преподавания ИЯ, в которых его составляющая *storytelling* не передавалась бы транслитерацией в том числе и из-за выявленной ее неупорядоченной многофункциональности, что будет показано ниже: путь поиска иной лексической единицы в русском языке для более точной передачи значения, вложенного авторами TPRS в название своей методики, представляется наиболее целесообразным. Иными словами, имеет смысл подобрать замену набирающему популярность варианту *сторителлинг*, чтобы: а) не допустить видоизменения значения TPRS в русском языке как термина прикладного языкознания и тем самым б) избежать дальнейшего терминологического дисбаланса и смешения значений; в) поддержать принцип приоритета первичности семантики языка-рецептора нового термина над языком-донором; г) избежать ошибочной презентации явления TPRS в методологии преподавания ИЯ в русскоязычном языковом пространстве; д) методом научного дискурса через широкое обсуждение вопроса заинтересовавшимися специалистами исключить проникновение необоснованных псевдонаучных толкований и в итоге представить педагогическому и методологическому сообществу стройное и логичное описание явления TPRS на русском языке через его определение на русском языке. Уместно подчеркнуть мысль Д.С. Лотте, который показал, что **однозначность термина является результатом постоянной работы и усилий тех, кто работает в соответствующей области, являя собой сумму направленных действий специалистов, а не появляется сама по себе, не возникает вдруг** [12].

Д.С. Лотте и вслед за ним И.В. Арнольд [3] рекомендуют обращать внимание на следующие аспекты при введении иноязычного термина в существующую систему: 1) соответствие звукосочетаний вводимой терминологической единицы общепринятым в русском языке; 2) гармоничность морфологической структуры со строем принимаемого языка; 3) наличие производных у предполагаемого термина и возможность их заимствования; 4) потенциальное взаимодействие заимствования с системой принимающего языка. Транслитерацию и транскрипцию при заимствовании основоположник отечественного терминоведения Д. Лотте тактично называет самым простым и нетворческим видом заимствования [12].

Смешивание понятийных аппаратов прикладного языкознания с другими отраслями знания

При попытке перевода TPRS на русский язык и более пристальном рассмотрении

существующей в русском языке терминологической базы для определения TPRS как явления выявляются противоречия и несоответствия, вызванные использованием лексемы *storytelling*, входящей в эту аббревиатуру. Помимо применения в методике обучения ИЯ один из вариантов перевода термина *storytelling* на русский язык – «сторителлинг» используется в обобщенном значении «обучение через истории» (у которого, как мы убедимся далее, существуют собственные варианты трактовки, усложняющие и без того непростую ситуацию), и в этом втором своем значении совершенно ничего общего с методикой и методологией преподавания ИЯ он не имеет. Это ведет к смешиванию понятийных аппаратов прикладного языкознания с другими отраслями знания и, как следствие, к неопределенности и размытости понятийного аппарата методики преподавания ИЯ.

Хорошим примером служит следующее. На одном из ресурсов в Интернете опубликована статья об использовании техники «*storytelling*» (приводим вариант, использованный автором: английское написание в кавычках) при обучении детей английскому языку. Статья не позиционируется как научная и опубликована в рецензируемом издании, поэтому мы опускаем как ее название, так и имя автора и приведем лишь выдержки, относящиеся к использованию техники *storytelling* на уроках английского языка, имеющие прямое отношение к нашему исследованию: «*Storytelling*», или «рассказывание историй», – это вариант неформального обучения с использованием любого сюжетно связанного повествования, в котором передается какая-то ценность. Метод был изобретен и успешно опробован Дэвидом Армстронгом. Метод является ответвлением метода физического реагирования. Основное правило этого метода: нельзя понять то, чего ты не пропустил через себя. Согласно этой теории, учащиеся на первых стадиях обучения должны получить достаточное количество знаний, которые идут в пассив. Затем в процессе обучения наступает период, когда они должны реагировать на услышанное или прочитанное, но реагировать только действием. И только потом, когда учащиеся накопили довольно много информации, они готовы к тому, чтобы начать говорить».

Как видно из приведенной цитаты, автор описывает *storytelling* Дэвида Армстронга как ответвление метода физического реагирования (TPRS), не подозревая, что этим ответвлением является TPRS. Ничего общего, кроме, конечно, сходства в названии, описываемый автором упоминаемой статьи прием корпоративного *storytelling* Дэвида Армстронга не имеет с методом TPRS Б. Рея (B. Ray), в аббревиатуру

которого тоже входит слово *storytelling*. Возможно, упомянутая публикация так и осталась бы не замеченной нами, если бы она не повлекла за собой следующее.

Ситуация получила развитие, когда приведенная выше статья была процитирована в работе, уже предполагающей вполне научное направление и характер по своей сути: выпускная квалификационная работа специалиста, написанная в 2016 г. по специальности 44.03.01 «педагогическое образование, английский язык», в которой приведена классификация инновационных с точки зрения автора методов обучения детей ИЯ. Приводить имя этого автора не имеет смысла: на его месте мог оказаться любой, кто строил бы свое понимание *storytelling* как составной части TPRS исходя из того, что можно найти по этой проблематике на материалах русского языка на момент создания своей публикации. После методов полного физического реагирования и фонетических ассоциаций автором рассмотрен метод «*Storytelling*», объясненный следующим образом: «Данный метод был разработан главой международной корпорации Armstrong International Дэвидом Армстронгом как личный метод работы и обучения персонала компании. Метод находит активное применение в сфере преподавания иностранному языку за рубежом. Концепцию своей методики Дэвид Армстронг изложил в книге *Managing by Storing Around*. Модель обучения ИЯ детей дошкольного возраста при помощи метода Дэвида Армстронга немного отличается от модели, используемой на различных семинарах и бизнес-тренингах». То, что далее описывает автор работы как «*storytelling*», не имеет ничего общего ни с TPRS, ни с какой-либо другой коммуникативной методикой обучения ИЯ и сводится к прослушиванию детьми в течение нескольких занятий длинной истории на изучаемом языке (английском) с рассматриванием картинок, кратким пересказом учителем истории на родном языке и пофразовом чтении истории учителем с повторением ее детьми хором за учителем и за записью.

Этими примерами ситуация смешивания терминологии и неточного использования лексемы *storytelling* не исчерпывается, но главное – сегодня нет гарантии, что такого рода неточности не повторятся в будущем.

Вопросы перевода иноязычных терминов на русский язык всегда существовали в науке. Как было показано выше, при работе с терминами, определяющими явления, которые до вводимого термина в какой-то области знания не существовали, выбор средств определяется как объективной необходимостью, так и субъективными переводческими предпочтениями

и профессиональной подготовкой авторов перевода. Не секрет, что современный русский курс перегружен иноязычной лексикой, что отмечалось неоднократно как мастерами художественного слова, так и филологами. Многочисленные призывы к внимательному и более консервативному отношению к заимствованиям должны быть услышаны профессиональным сообществом. Если переосмысление существующих уже значительное время терминов по понятным причинам неудобно, то в отношении новых переводимых явлений следует проявлять большую бдительность и принципиальность. Тот факт, что повсеместное употребление иноязычной лексики оставляет за рамками полноценного общения людей, не владеющих иностранными языками, особенно английским, не требует отдельных доказательств, стоит лишь попытаться осмыслить и расшифровать исходя только из понятийного аппарата русского языка, например, слова *ретейлер*, *флешбэк*, *контест*, *фешен* или *ремейк*.

Возможные варианты перевода *Teaching Proficiency through Reading and Storytelling (TPRS)* на русский язык

Рассмотрим возможные варианты перевода элементов, составляющих термин *Teaching Proficiency through Reading and Storytelling*, на русский язык. Новый большой англо-русский словарь под ред. Ю.Д. Апресяна и Э.М. Медниковой переводит *proficiency* как «*опытность, умение, сноровка, искусство*», уточняя словосочетание *proficiency test* как «*экзамен по специальности (по иностранному языку и т.п.), проверка квалификации (при приеме на работу)*»; *proficiency rating* с пометкой *военн.* переводит как «*аттестация по специальной подготовке*»; *to acquire proficiency in chess* переводится как «*достигнуть мастерства при игре в шахматы*». Вырисовывается довольно определенная тенденция перевода с общим значением «улучшение знания языка, повышение уровня овладения языком с отчетливым акцентом на умении, демонстрируемом на практике, уровня практически выражаемого языкового мастерства». В терминологии методики преподавания ИЯ по-русски эти значения часто выражаются как речь – устная и письменная – или навыки речи, речевые умения, беглость речи. Помня об исходной среде термина – США, стоит добавить, что языковое мастерство в современной методике обучения ИЯ как особой отрасли прикладного американского языкознания рассматривается в большой степени функционально через проявление компетенций обучаемого посредством *enterpretive, interpersonal, and presentational modes* – интерпретационного,

межличностного и презентационного функциональных полей – тем самым особо подчеркивая коммуникативную функцию языка. Отсюда выводим семантическую линию перевода термина TPRS с сохранением действенной, функциональной коннотативности, изначально заложенной в рабочем термине: *teaching*: «обучение/преподавание», *proficiency*: «знание/профессиональный уровень / языковое мастерство / овладение», *through*: «посредством / при помощи / через / используя / путем / с помощью», *reading*: «чтение», *storytelling*: «совместное / коллективное, создание / придумывание / рассказывание / со-творение историй / текста / повествования / рассказов».

Полученный семантический ряд образует множество предложных, союзных и предложно-союзных синтаксических сочетаний на материале русского языка, включая следующие: «обучение языковому мастерству при помощи чтения и создания историй»; «обучение языковому мастерству чтением и созданием историй»; «преподавание языка при помощи чтения и придумывания/придуманных историй»; «обучение языку путем придумывания историй и чтения» (этот вариант, в частности, отражает действительный процесс применения методики, когда на практике происходит сначала со-творение истории, а потом ее чтение, хотя в исходном английском термине TPRS порядок использования изменен: *reading*, чтение, стоит перед *storytelling*, со-творением повествования); «обучение языку посредством чтения и придумыванием текстов»; «обучение языку через чтение и со-творение историй», где возможны и другие варианты: «с использованием создания историй/повествования», «используя выдумывание рассказов» и т.д.

Дальнейшая аргументация нами строится на необходимости обосновать появление термина, которую Д.С. Лотте выдвигает как основное требование к термину: «Чтобы правильно построить новый термин, надо определить его обоснованность. Для этого исследователь должен отчетливо представлять себе содержание самого понятия, научную идею, для которой оно необходимо, его место среди других в классификационной схеме». Таким образом, лишь специалисту, хорошо ориентирующемуся в общих вопросах методики преподавания ИЯ в целом и имеющему довольно глубокое общее представление о TPRS как частной методологии – как об истории ее становления, исчерпывающим образом описанной на английском языке, так и о современных исследованиях в данной области. Желательно, чтобы у специалиста был личный опыт применения ее в практике преподавания языка, доступна всесторонне

аргументированная интерпретация взвешенного подхода и наиболее объективного анализа и обобщения терминологической базы методологии Teaching Proficiency through Reading and Storytelling в русском языке. Надо понимать, что *storytelling* здесь – не просто рассказывание или пересказ. Это особый методологический прием со своим набором обязательных к исполнению элементов, включая приемы активизации обучающегося, с целостной системой и особым алгоритмом применения, в которой вторым этапом (в общей трехчастной системе TPRS, где первый этап – определение значений вводимых лексем и фраз, а третий – чтение совместно созданного текста и дальнейшая работа по развитию речи) является собственно то, что и называют *storytelling* в TPRS: со-творчество преподавателя и обучающегося, которое выражается в совместном со-творении текста, когда обучаемый активно дополняет создаваемый на занятии рассказ, внося детали в канву повествования, буквально вплетая повороты сюжета, описательные характеристики и реалии, часто личного характера [22].

Эта активность того, кто обычно считается слушателем, рецептивным участником процесса *storytelling*, значительно отличает *storytelling* в TPRS от всех остальных областей его применения. Весь процесс со-творения текста в TPRS представляет собой обмен информацией: очень живой, эмоциональный положительный диалог преподавателя и обучающегося, который захватывает участников, организует и удерживает внимание обучающегося, превращая занятие в то, что может показаться неискушенному зрителю развлечением, а никак не работой по изучению языка [20].

Слегка отходя в сторону от предмета обсуждения, заметим, что именно этот элемент творчества и является причиной того, что многие сторонники TPRS в значительной степени работают без готовых учебных материалов. Такой подход вызывает неоднозначное отношение к TPRS как среди практиков, так и среди теоретиков прикладного языкознания в международном сообществе, ведь преподавание без учебника вызывает много дополнительных вопросов чисто административного характера, от оценки знаний обучающегося до определения степени успеха и уровня профессионального мастерства деятельности педагога. Именно поэтому имеет смысл в данной работе воздержаться от прямых однозначных рекомендаций при определении того, как данный термин методологической науки будет выглядеть в русскоязычном дискурсе, и лишь определить и обосновать необходимость совместного поиска решений, подчеркивая актуальность работы над TPRS в русскоязычном

речевом пространстве и описывая возможные варианты решения.

Обобщая вышеизложенное, в русский курс эквивалентом TPRS предлагается ввести термин «**обучение языку посредством речевого со-творчества и чтения**». Являясь терминологическим сочетанием по своей структуре, он отлично удовлетворяет требованию мотивированности (см. выше о требованиях к термину), но, конечно, противоречит требованию краткости, и над этим предлагается подумать в дальнейшем. В качестве рабочего варианта можно было бы предложить аббревиатуру а) ОЯПРЧ, чит. «о-йа-пэ-ер-че», где Р объединяет словосочетание «речевое со-творчество», по сути передавая собой смысл, вносимый в первичный английский термин элементом *storytelling* и тем самым раскрывая смысловое значение терминологического сочетания в целом; б) при сохранении полного чтения термина как «обучение языку посредством речевого со-творчества и чтения», укоротить аббревиатуру ОЯПРЧ, вырезав из нее слогаобразующую *я* (что можно оправдать и семантически), дополнив союзом *и*, в результате чего получается более краткий и благозвучный вариант ОПРЧ, который может читаться как типичная словоформа русского языка *оприч*, удовлетворяя требованиям и краткости, и благозвучия, выдвигаемым лексикологией к новым терминам, принимающимся в языке-рецепторе. Поступая таким образом, мы опираемся на наработки целого ряда исследователей в области отбора терминов для составления словарей различных отраслей знания: Б. Головина и последователей Горьковской лингвистической школы, К.Я. Авербух [1], С.Д. Шелова [19], В.М. Лейчик [11], В.П. Даниленко [7], В.Ф. Новодрановой [13] и др., которые предлагают ориентироваться на качественные характеристики. В частности, называются краткость, простота, ясность, словообразовательные возможности, т.е. деривативность, эвфония (благозвучность), систематичность, соответствие лингвистическим правилам и нормам языка, полезность, частота встречаемости, дефинитивный критерий [9]. Предлагаемый русский эквивалент английского TPRS «обучение языку посредством речевого со-творчества и чтения» при дальнейшем анализе определяем как фразовое терминологическое сочетание, т.е. термин, в котором синтаксические отношения выражаются с помощью предлогов и/или союзов [18: 200].

Вопрос оправданности лингвистической трансформации

В современном русскоязычном пространстве существует и прогрессирует тенденция

транслитерации и транскрипции лексических единиц английского языка при их заимствовании, что было неоднократно отмечено исследователями в области русской лексикологии и других областей языкознания и филологии. Эта тенденция настолько заметна, что ее обсуждение давно перестало быть областью специальных лингвистических исследований и выплеснулось в общество: при наблюдающемся непрерывном росте критических публикаций в русском языке продолжается употребление лексем, полученных при помощи транслитерации/транскрипции. В частности, о злоупотреблении лингвистическими трансформациями транслитерации и транскрипции говорит В.С. Виноградов, предостерегая от возможного нежелательного нагромождения иноязычных слов [5: 122–124]. Подавляющее большинство литературы, посвященной этой теме, оценивает ситуацию отрицательно и призывает ограничить употребление лексем и фраз, полученных в результате такого словообразования, подразумевая приостановку процесса как такового и убеждая при необходимости формирования новых языковых единиц пользоваться средствами русского языка. В такой ситуации на представителях всех отраслей языкознания, в том числе прикладного, лежит известная доля ответственности при работе над терминологической базой: приоритетные позиции, насколько это возможно, должны отдаваться русским или наиболее русифицированным вариантам заимствований.

Сохранение как латинского написания TPRS, так и лексемы *сторителлинг* в ее русском переводе, конечно, может рассматриваться как быстрый и упрощенный вариант решения [12], однако его все же приходится признать несостоятельным хотя бы уже потому, что он подвергает риску исключения из диалога специалистов, работающих с языками Востока, Средней Азии, народов севера и др., которые совсем не обязательно владеют английским языком и используют русский как язык-посредник. Как справедливо отмечает И.В. Арнольд, «всякая наука есть процесс переработки информации и обмена ею, поэтому, если коллеги не понимают терминологии и вообще метаязыка... обмен информацией становится или вообще невозможным, или сильно затрудняется...» [3].

Продолжая обсуждение транслитерации *сторителлинг*, если она все же принимается как вариант, логичным представляется найти основание для использования этой словоформы при перенесении понятия TPRS на русский язык. Обратимся к классике отечественного переводоведения. Наиболее веской и чуть ли не единственной причиной использования

транслитерации и транскрипции при переводе является ситуация так называемой безэквивалентной лексики. Само словосочетание *безэквивалентная* лексика довольно точно определяет суть явления, которое оно называет, но для справки все же приведем общепринятые дефиниции. Так, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров безэквивалентными называют единицы, «план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями» [4: 37]. У А.О. Иванова находим более развернутое определение безэквивалентности: «Лексические единицы исходного языка, которые не имеют в словарном составе переводящего языка эквивалентов, т.е. единиц, при помощи которых можно передать на аналогичном уровне плана выражения все релевантные в пределах данного контекста компоненты значения, или одного из вариантов значения исходной лексической единицы» [8: 103].

Насколько применимы данные определения к рассматриваемому элементу *storytelling* терминологического сочетания TPRS? Так ли необходима тут лексическая трансформация при переводе? Как следует из приведенных выше определений безэквивалентности, слова, переводимые таким способом, нелегко, а часто практически невозможно перевести иначе, например, имена собственные Mark – Марк или реалии типа водка – vodka. Действительно ли ни на уровне лексики, ни на уровне синтаксиса лексеме *storytelling* невозможно найти эквивалента в русском языке? Ответ очевиден, и поэтому употребление лексической трансформации – транслитерации – при переводе на русский язык в данном случае представляется некорректным. Другое дело, что такой вариант соблазнителен своей простотой и незамысловатостью, не предполагая когнитивной нагрузки на пользователя, что, конечно, представляется слабым и довольно сомнительным аргументом в его пользу.

Специалистам, работающим в области методики преподавания ИЯ, включая РКИ, имеет смысл определиться с термином на начальных этапах его применения, постараться избежать ситуации, в которой, как сейчас, необходимо каждый раз оговаривать, в каком смысле он употреблен.

Исходя из утверждения Р. Якобсона о том, что «на уровне межъязыкового перевода обычно нет полной эквивалентности между единицами кода... при переводе с одного языка на другой происходит не подстановка одних кодовых единиц вместо других, а замена одного целого сообщения другим... Таким образом, в переводе участвуют два эквивалентных сообщения в двух различных кодах». Развивая эту мысль далее,

Якобсон определяет проблему языка и центральную проблему лингвистики как «эквивалентность при существовании различия», указывая при этом интерпретирующую составляющую роли лингвиста, как и любого получателя вербального сообщения: «Там, где отсутствует понятие или слово, можно разнообразить и обогащать терминологию путем слов-заимствований, калек, неологизмов, семантических сдвигов и, наконец, с помощью парафраз». Следуя этому, мы рассматриваем TPRS как лексико-синтаксическое единство и, вводя термин *обучение языку посредством речевого со-творчества и чтения (ОПРиЧ)*, отталкиваемся от индивидуальных значений лексических единиц, не позволяя им, однако, главенствовать над смыслом понятия в целом.

Произведем краткий анализ контекстов функционирования лексемы *сторителлинг* и выделим некоторые области его использования как термина в современном русском языке. Здесь имеет смысл принимать к рассмотрению лишь случаи употребления *сторителлинг* как языковой единицы в рецензируемых научных статьях, оставляя за рамками дискурс научно-популярных изданий и социальных сетей как в основном субъективный по определению, а значит вторичный для заявленной проблематики данного исследования.

Поиск *определение сторителлинг дефиниция* в Интернете выдает 41 100 результатов, причем укороченный вариант *сторителлинг дефиниция* при исключении лексемы *определение* приносит 20 700 000 результатов, что само по себе показательно и говорит о достаточной распространенности термина в англоязычной языковой сфере. Возвращаясь к поиску *определение сторителлинг дефиниция*, отметим, что в полученных результатах встречаются следующие области употребления термина *сторителлинг*: туризм, руководство и управление предприятием, журналистика, бизнес, социология, коммуникативистика и др.

Найденные контексты функционирования лексемы описывают *сторителлинг* как безусловно новую лексическую единицу русского языка. Они также объединены общим значением рассказывания как средства общения, где присутствует рассказчик как субъект действия, направленного на объект – слушателя/читателя, являющегося рецептором повествования и в какой-то мере манипулируемым субъектом, обрабатывающимся историей на эмоциональном уровне. Наблюдается явно выраженная прагматичная направленность действия: рассказ тут подготавливает, программирует дальнейшие так или иначе выгодные стороне субъекта-рассказчика действия объекта

(туристическая поездка, совершенная покупка или сделка, ответственное отношение к порученному делу и т.п.). Таким образом, на коммуникативной функции как таковой сходства употребления лексемы *сторителлинг* в указанных контекстах с тем, как она используется в TPRS как методике преподавания языка, заканчиваются: *сторителлинг* в них позиционируют как явление, описывающее деятельность в основном презентационного характера с подготовленными заранее историями, что в корне противоречит теории и практике оригиналу TPRS, подразумевающему со-творчество обучающего и обучающегося как один из основных наиболее значимых компонентов методики TPRS как таковой, что эксплицитно постулируется в оригинальных источниках [22]. Приходится констатировать, что без элемента со-творчества данная методика как часть прикладного языкознания не может быть описана в принципе, что опять ставит под сомнение использование лексемы *сторителлинг* при переводе термина TPRS на русский язык.

Место TPRS в современном русском языке

Принимая классификацию Л.П. Крысина, кратко обозначим описываемые им пять этапов освоения иноязычного слова заимствующим языком: 1) слово используется в исходной орфографической и грамматической формах; 2) в результате лингвистической трансформации осваивается грамматической системой языка; 3) у носителей постепенно начинает исчезать восприятие его как необычного; 4) (этот и последующий этапы необязательно наступают) сфера употребления выходит за рамки жанрово-стилистических, ситуативных и социальных особенностей, утрачиваются жаргонная и профессиональная коннотации; 5) слово закрепляется в толковом словаре как свидетельство того, что оно стало принадлежать лексико-семантической системе заимствующего языка [10: 37–44]. Основываясь на данной периодизации, констатируем, что термин TPRS только начинает усваиваться русским языком, так как ощущение необычности в нем еще достаточно сильно. Исходя из приведенных выше данных, делаем вывод о том, что термин TPRS пока находится в русском языке на первом этапе заимствования, используется в исходной форме и/или начинает осваиваться грамматической системой русского языка через транслитерацию, носителями языка воспринимается как довольно необычный; даже наиболее употребляемая из составляющих его лексем *сторителлинг* не закреплена дефиницией в методике преподавания ИЯ; термин существует в форме латинского написания TPRS; нуждается в переводе,

определении и комплексном дефиниционном анализе, выполненном на материале русского языка (частичное решение этих вопросов предлагается автором).

TPRS в английском языке представляет собой фразовое терминологическое сочетание (терминологическое сочетание, в котором синтаксические отношения выражены с помощью предлогов или союзов, в нашем случае *through* по определению Ткачевой [18], оформленное и закрепленное в аббревиатуре, претерпевшей значительное семантическое изменение во времени, которое мы оставляем за рамками данного исследования, принимая современное употребление TPRS за исходный рабочий вариант.

Описывая процесс сбора терминов, в терминологии особо отмечается субъективная составляющая: трактовка явлений и событий обязательно отражает предпочтения и взгляды субъекта,

«так как производится в значительной степени под влиянием методологической концепции автора и некоторых других субъективных факторов» [9]. Наличие субъективной составляющей, несомненно, вызовет разночтения и возможные личностные акценты коннотативных составляющих. Автор настоящей статьи предполагает, что проблема точности и профессиональности терминов в методике преподавания языков волнует профессиональное сообщество и, вынося TPRS и возможную форму его существования в русском языке как *обучение языку посредством речевого со-творчества и чтения* и *ОПРиЧ* на обсуждение, посредством данной публикации надеется на плодотворный диалог, в результате которого будет определен оптимальный вариант перевода и дефиниции, что со временем и минимизирует субъективную составляющую. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Авербух К.Я. Общая теория термина. М., 2006.
2. Апресян Ю.Д., Медникова Э.М. Новый большой англо-русский словарь в трех томах. М., 1993–1994 г.
3. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике: Учебное пособие. М., 1991.
4. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 2005.
5. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М., 2001.
6. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение. М., 2008.
7. Даниленко В.П. Лингвистические проблемы упорядочения научно-технической терминологии / Даниленко В.П., Скворцов Л.Н. // Вопросы языкознания. 1981. № 1.
8. Иванов А.О. Безэквивалентная лексика. СПб., 2007.
9. Костерина Ю.Е., Кондракова Л.К. Критерии и принципы отбора терминов // Омский научный вестник. 2013. №1 (125).
10. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004.
11. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М., 2009.
12. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. М., 1961.
13. Новодранова В.Ф. Методы когнитивного анализа в исследованиях языков для специальных целей // Вопросы терминоведения. М., 2012. Вып. 1.
14. Овчаренко Э. Использование техники «storytelling» для повышения мотивации на уроках немецкого языка // Просвещение. Иностранные языки. 2016 (Декабрь). iyazyki.prosv.ru/2016/12/storytelling/.
15. Свердлова Н.А., Маркова О.П. Метод TPRS: потенциал использования в преподавании РКИ // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. 2014. №4 (16).
16. Свиридова Т.Н. Применение техники «Сторителлинг» на уроках иностранного языка как средства формирования коммуникативной компетенции // Вестник научных конференций. 2017. № 6–1(22).
17. Суперанская А.В. Общая терминология: Вопросы теории / Суперанская А.В., Подольская Н.А., Васильева Н.В. М., 2009.
18. Ткачева Л.Б. Основные закономерности английской терминологии: Монография. Томск, 1987.
19. Шелов С.Д. Еще раз об определении понятия «термин» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2).
20. Gaab C. Multistory Construction. Language Magazine, 2017. language-magazine.com/multistory-construction/.
21. Krashen S. TPRS: Contributions, Problems, New Frontiers, and Issues. 2015 sdkrashen.com/content/articles/2015_krashen_tprs_contributions_problems_new_frontiers_and_issues.pdf.
22. Ray B., Seely C. Fluency through TPR Storytelling. TPRS Books & Command Performance Language Institute, 2017.

References

1. Apresyan Yu.D., Mednikova E.M. Novyy bol'shoy anglo-russkiy slovar' v trekh tomakh. [New Big English-Russian Dictionary in Three Volumes] Moscow, 1993–1994 gg.

2. Arnol'd I.V. Osnovy nauchnykh issledovaniy v lingvistike [Basics of Research in Linguistics]. Ucheb. posobie. Moscow, 1991.
3. Averbukh K.Ya. Obshchaya teoriya termina [General Term Theory]. Moscow, 2006.
4. Danilenko V.P. Lingvisticheskie problemy uporyadocheniya nauchno-tekhnicheskoy terminologii [Linguistics Issues of Terminology in Technical Sciences] / Danilenko V.P., Skvortsov L.N. // Voprosy yazykoznaniiya. 1981. № 1.
5. Gaab C. Multistory Construction. Language Magazine, 2017. [language-magazine.com/multistory-construction/](http://www.language-magazine.com/multistory-construction/).
6. Grinev-Grinevich S.V. Terminovedenie [Terminology]. Moscow, 2008.
7. Ivanov A.O. Bezekvivalentnaya leksika [Lexemes without Equivalents]. St. Petersburg, 2007.
8. Kosterina Yu.E., Kondrakova L.K. Kriterii i printsipy otbora terminov [Criteria and Principles of Term Selection] // Omskiy nauchnyy vestnik. 2013. №1 (125).
9. Krashen S. TPRS: Contributions, Problems, New Frontiers, and Issues. 2015 [sdrashen.com/content/articles/2015_krashen_tprs_contributions_problems_new_frontiers_and_issues.pdf](http://www.sdkrashen.com/content/articles/2015_krashen_tprs_contributions_problems_new_frontiers_and_issues.pdf).
10. Krysin L.P. Russkoe slovo, svoe i chuzhoe [The Russian Word]. Moscow, 2004.
11. Leychik V.M. Terminovedenie: predmet, metody, struktura [Terminology: subject, methods, structure]. Moscow, 2009.
12. Lotte D.S. Osnovy postroeniya nauchno-tekhnicheskoy terminologii [How the Terminology of Science and Technology is Created]. Moscow, 1961.
13. Novodranova V.F. Metody kognitivnogo analiza v issledovaniyakh yazykov dlya spetsial'nykh tseley [Methods of Cognitive Analysis in Language Research] // Voprosy terminovedeniya. Moscow, 2012. Issue. 1. P. 87–90.
14. Ovcharenko E. Ispol'zovanie tekhniki "storytelling" dlya povysheniya motivatsii na urokakh nemetskogo yazyka [Use of Storytelling for Student Motivation in German Class] // Prosveshchenie. Inostrannye yazyki. 2016 (Dekabr). iyazyki.prosv.ru/2016/12/storytelling/.
15. Ray B., Seely C. Fluency through TPR Storytelling. TPRS Books & Command Performance Language Institute, 2017.
16. Shelov S.D. Eshche raz ob opredelenii ponyatiya «termin» [More on Definition of "Term"] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2010. № 4 (2).
17. Sverdlova N.A., Markova O.P. Metod TPRS: potentsial ispol'zovaniya v prepodavanii RKI [Potential of TPRS for Teaching Russian as a FL] // Nauchno-pedagogicheskiy zhurnal Vostochnoy Sibiri Magister Dixit. 2014. № 4 (16).
18. Sviridova T.N. Primenenie tekhniki «Storytelling» na urokakh inostrannogo yazyka kak sredstva formirovaniya kommunikativnoy kompetentsii [Potential of Storytelling for Building Communication Competences in Foreign Language Classes] // Vestnik nauchnykh konferentsiy. 2017. № 6–1(22). P. 92–93.
19. Superanskaya A.V. Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii [Theory of Terminology] / Superanskaya A.V., Podol'skaya N.A., Vasil'eva N.V. Moscow, 2009.
20. Tkacheva L.B. Osnovnye zakonomernosti angliyskoy terminologii [Main Principles of English Terminology]. Tomsk, 1987.
21. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Yazyk i kul'tura [Language and Culture]. Moscow, 2005.
22. Vinogradov V.S. Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy) [Introduction to Translation (General Questions and Lexicology)]. Moscow, 2001.

S.V. Nuss

TEACHING PROFICIENCY THROUGH READING AND STORYTELLING (TPRS) IN RUSSIAN: NEW TERM ADOPTION AND ITS FUNCTION IN THE RUSSIAN DISCOURSE

RFL, TPRS, storytelling, terminology, applied linguistics.

The following article develops the research of *Teaching Proficiency through Reading and Storytelling (TPRS)* as a method of instruction in teaching foreign languages. The term's possible translation into the Russian language is offered and discussed. Syntactical and lexical analyses of the possible interpretations are performed in search of the most relevant rendition that would help to avoid any semantical misreadings and interdisciplinary confusion. The term TPRS for the Russian discourse is suggested as *обучение языку посредством речевого со-творчества и чтения* (ОИПРЧ). The investigation advances coherent adoption of foreign terminology in the field of Russian applied linguistics.